

МИНОБРНАУКИ РОССИИ  
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ  
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Фантастический рассказ Ф.М. Достоевского «Сон смешного  
человека» в контексте «Дневника писателя»**

**АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ**

Студентки 4 курса 411 группы  
направления подготовки 45.03.01 – «Филология»  
(профиль «Отечественная филология» (Русский язык и литература))  
Института филологии и журналистики

**СЕРГЕЕВОЙ ОЛЬГИ ИГОРЕВНЫ**

Научный руководитель

доцент

должность, уч. степень, уч. звание

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

\_\_\_\_\_

подпись, дата

\_\_\_\_\_

подпись, дата

Н.В. Новикова

инициалы, фамилия

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2025

«Сон смешного человека» Фёдора Михайловича Достоевского – это фантастический рассказ, помещённый в апрельский выпуск «Дневника писателя» 1877 года. Несмотря на предельную компактность, он находится в центре внимания литературоведов с начала XX века. Исследовательский интерес к этому художественному тексту продолжает возрастать и в нынешнее время. Анализ «Сна смешного человека» производится разными методами: в контексте всего творчества Достоевского, в контексте больших романов, в структуре «Дневника писателя». Часть литературоведов считает, что обращение к журналу обязательно для понимания авторской мысли, вложенной в рассказ, часть – наоборот, настаивает на том, что «Сон» не претендует на злободневность, характерную для моножурнала Достоевского.

**Цель** нашей работы – рассмотреть темы и мотивы «Сна», обнаруживающие себя в том или ином виде на страницах «Дневника писателя».

Будучи одним из последних произведений Достоевского, «Сон смешного человека» является своеобразным подведением итогов его творческих поисков, отражением ключевых тем и мотивов, которые он разрабатывал на протяжении всей своей писательской карьеры. Аккумуляция опыта прочтения данного рассказа разными исследователями открывает возможности для более глубокого анализа сокровенных мыслей Достоевского, сформулированных в «Дневнике писателя» и синтетически высказанных в фантастическом рассказе. Этим обусловлена **актуальность** нашего исследования.

**Новизна** данной дипломной работы заключается в произведении контекстного анализа рассказа с учётом трёх определённых тем (темы обиженной девочки, темы любви к человечеству и темы поиска истины) и в обнаружении трёх мотивов, проистекающих из заявленных тем (мотив свободы, мотив страдания и мотив искупления). Для достижения поставленной цели будет целесообразным решение следующих **задач**:

- 1) применить метод имманентного чтения рассказа в рамках ограниченного тематического ряда;

2) изучить исследовательские интерпретации рассказа в контексте журнала и в контексте творчества писателя;

3) провести контекстуальный анализ выпусков журнала, в которых находят отражение выбранные нами темы и мотивы рассказа.

**Структура** работы включает Введение, три главы, Заключение и Список использованных источников. Введение содержит в себе историю вопроса, в первой главе предпринимается имманентное чтение рассказа, вторая глава рассматривает мотивы, звучание которых заслуживает, на наш взгляд, более близкого рассмотрения, в третьей главе предпринимается контекстный анализ рассказа. В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. Список использованных источников состоит из 50 наименований.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во **введении** была изучена история вопроса. Для нашей работы было крайне важно обращение не только к тем исследователям, которые занимались непосредственно контекстным анализом «Сна смешного человека» в составе «Дневника писателя», но и к тем, которые рассматривали рассказ и «Дневник» по отдельности. Прежде всего мы сосредоточились на труде М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», в котором впервые была предпринята попытка определения жанра «Сна», а также выделены ведущие темы творчества писателя. Данная монография позволила нам структурировать мнения исследователей, исходя из предложенных Бахтиным тем. Так, мы коснулись различных трактовок жанра произведения, сравнили работы, посвящённые теме молодёжного нигилизма в статьях «Дневника писателя», уделили внимание теме непонятой истины, многократно поднимаемой литературоведами, и постарались как можно тщательнее отразить многообразие исследовательских мнений по поводу фигуры смешного человека.

В **первой главе** мы предприняли имманентное чтение рассказа. Это был начальный этап нашей работы, предшествовавший опыту ознакомления с

исследовательскими трактовками, рассмотренными во Введении. Фокусировка на внешней стороне – на характеристиках пространства и времени – позволила нам подготовиться к дальнейшей работе с глубинным содержанием рассказа.

При имманентном прочтении текста мы зафиксировали, что в нём концентрированно представлены локальные точки и неохватные пространства, длинные и короткие пространственные маршруты, контрастные временные промежутки и отсутствие счёта времени, движение во всевозможных направлениях и отсутствие всякого движения. Среди нюансов испытанных характеристик времени и пространства мы выделили следующие:

- в рассказе прослеживается плотный пространственный рисунок;
- время часто теряет свою абстракцию и закрепляется за конкретным местом в пространстве;
- небольшой объём текста включает разные варианты пространства (например, плотность могильного и простор небесного пространства) и разные временные измерения (например, чётко определённые одиннадцать часов вечера, в которые герой возвращался домой, и не измеряемая вечность райского бытия);
- пространство и время находятся в прямой зависимости друг от друга: по мере увеличения движения через пространство сокращается движение через время, и наоборот (например, полёт героя в небесных сферах).

Так, выявление особенностей данных характеристик повлияло на восприятие сути рассказа при вторичном чтении.

Этап работы, представленный во **второй главе**, был напрямую связан с проведением анализа рассказа в контексте «Дневника писателя». Знакомство с различными исследовательскими подходами и проведённое нами аналитическое прочтение «Сна смешного человека» позволило очертить круг тем, содержащихся в этом рассказе, и проистекающих из них мотивов. Корпусом для выбранных нами тем послужил анализ рассказа М.М. Бахтиным: например, им были выделены «тема катарсиса через сновидение», «тема обиженной девочки»,

«тема последних часов жизни перед самоубийством и „морального экспериментирования“». Из множества мотивов, отчётливо звучащих в данном тематическом круге, мы выбрали три важнейших: мотив свободы, мотив страдания и мотив искупления.

Для того, чтобы показать взаимосвязь данных мотивов, мы поставили вопрос: в чём заключается трагедия смешного человека? Лучший ответ, на наш взгляд, дал в своей монографии «Миросозерцание Достоевского» Н.А. Бердяев. Глубоко исследуя мотив свободы в творчестве писателя, философ привёл понятие «трагедии свободы». «Трагедией свободы», по Бердяеву, является её двойственность: свобода добра и зла и свобода в добре, или свобода в избрании Истины и свобода в Истине. В «Дневнике писателя» Достоевского мы нередко встречаем мысль о том, что свобода должна быть внутренне ограничена, а раскрепощение её полноты ведёт к разрушению, одержимости и рабству у «злой необходимости». В своём рассказе писатель схватывает героя в борьбе переходных состояний. С одной стороны, смешному человеку остаётся сделать один небольшой шаг до мысли о вседозволенности и попасть в круговорот зла, окончательно потеряв свободу. С другой стороны, его спасает идея солипсизма, уничтожившая в нём все возможные страсти и интерес к удовольствиям. Впрочем, в самой идее солипсизма мы также видим «рабство», а не «свободу в Истине», потому что она приводит героя к мысли о самоубийстве.

Рассматривая мотив свободы в «райских частях», мы коснулись предельно важного для нашей работы вопроса: присутствует ли фигура Бога в рассказе? Обратившись к некоторым исследовательским точкам зрения, мы обнаружили, что имеющиеся факты в сумме говорят именно о божественном присутствии, нежели кого-то/чего-то иного:

1. герой встречает «живой образ» среди безгрешных людей, в прямом общении с ними;
2. этот «живой образ» ответчив;
3. знание некоей истины побуждает героя к проповеди.

4. восклицания самого героя, взирающего на страдания людей райской планеты, отсылают нас к фигуре Христа

В «райских» частях мотив свободы приобретает ещё более трагическое звучание. Сравнив характеристику райских людей до грехопадения и после, мы увидели, что в первом случае люди свободны в своём пока что не осуществлённом выборе между добром и злом, независимы от мучительного поиска истины, ибо истина не удалена от них. Во втором случае выбор уже сделан в сторону зла, естественная гармония нарушена: свобода зла истребила свободу как таковую, а свобода добра стала доброй необходимостью.

Мотив страдания, как и мотив свободы, появляется в рассказе с самого начала. Так как смешной человек ответственен за свою свободу, он чувствует укоры совести после нехорошего поступка с девочкой. Реакция совести есть «главный вид страдания, имеющий наиболее очевидный нравственный смысл». Также в рассказе страдает девочка, но мы приходим к выводу, что «слезинка ребёнка» вводится не для того, чтобы показать сложный путь примирения героя с мировым процессом, а для того, чтобы заново открыть в нём любовь к ближнему (жалостью и состраданием).

Наиболее ярко мотив страдания проявляется в истории о грехопадении человечества. Страдают здесь и бывшие дети Солнца, и сам герой, однако между их страданием есть разница. Смешной человек страдает – как сознающий свою вину, то есть принимает страдания любимых им людей как справедливое наказание за свою ошибку. С райскими людьми иначе: они говорят, что в страдании присутствует мысль. Что это значит? Вероятно, здесь имеет место быть сознание этими людьми, что страдание есть следствие зла и что зло сгорает в нём. Видя в страдании красоту, они, вероятно, чувствуют его очистительную силу. Любовь смешного человека к райским людям крепнет, потому что он знает, что через страдание они смогут вернуться к любви и свободе, как он. Обновлённый герой способен к состраданию, поэтому после сна находит девочку и идёт на проповедь. Мотив страдания закольцовывает композицию.

Завершая разговор о мотивах мотивом искупления, мы делаем важное уточнение относительно того, чем является грех в рассказе «Сон смешного человека». Наиболее близким к сюжету будет понимание греха как болезни человеческой природы, а искупления – как освобождения от болезни, исцеления. Одним из самых ярких тому свидетельств является самоопределение героя: он называет себя «скверной трихиной» и «атомом чумы», который заражает безгрешных «детей Солнца», запускает процесс изменения их природы. Подобный взгляд на центральное событие рассказа близок к органической теории искупления, то есть к теории, рассматривающей грех и спасение в категориях природы. После грехопадения природа человека остро нуждается в заживлении, и Кто-то должен, по В.Н. Лосскому, «„возглавить“ потерпевшую катастрофу историю человека, чтобы начать ее заново...». Эту необходимость демонстрирует сотрясающийся в муках герой. Писатель здесь не договаривает своё последнее слово, а оставляет лишь намёк на искупление как на недостающую деталь, без которой никак не устроится вся картина.

Итак, коснувшись каждого мотива в отдельности, мы можем увидеть их взаимосвязь: во сне, как бы по-прежнему находясь в состоянии глубокой богооставленности, герой совершает самоубийство – акт свободы. Этот акт свободы является очевидным выбором «зла», так как направлен против Божьей воли. Тем самым смешной человек теряет свободу. Путь восстановления свободы, то есть путь искупления, начинается на Райской планете и продолжается после сна. Зло изобличается героем в самом себе, ужас гибели видится им в стремительном падении «детей Солнца», становится возможным искупление вины через страдание, а значит, открыт путь ко «второй свободе» – свободе в Истине. Герой как бы переносит обретенные во сне чувства на реальность: теперь он любит людей и тоскует о них, проповедует им любовь, а «живой образ» истины побуждает его к этой проповеди. Искупление выводит смешного человека из состояния богооставленности, предполагаемый Христос-искупитель возвращает ему свободу.

Таким образом, мы видим, как Достоевский на примере одного самоубийцы сумел отразить неохватный масштаб изменений в его душе, сопоставил катастрофу одной личности с катастрофой целой планеты и через это сопоставление дал полногласное звучание мотиву свободы, мотиву страдания и мотиву искупления.

В третьей главе мы обратились к мыслям, высказанным Достоевским в «Сне смешного человека», которые обнаружили себя в отдельных выпусках и главах «Дневника писателя». Нами были рассмотрены лишь те из них, которые представляют в глазах исследователей наибольший интерес. Это: тема обиженной девочки, тема любви к человечеству и тема поиска истины. Тема обиженной девочки находит отражение в трёх судебных процессах, описанных Достоевским в статьях «Дневника». Во всех трёх случаях рассматривалось дело по поводу жестокого обращения с детьми. Что касается внешней, социальной стороны вопроса, сферы межличностных отношений, – писатель выступал за оправдание подсудимых, считая обвинительный приговор худшим вариантом развития событий для судьбы ребёнка (детей). Важно при этом, что половину объёма рассуждений Достоевский отводит чувствам самих детей: ему необходимо понять, действительно ли в данной ситуации речь идёт о страдании безвинного или всему причиной является искажение фактов, гиперболизация действительности. Что мы видим в рассказе? Безусловно, в нём присутствует страдающий ребёнок как социальное явление – «мокрые разорванные башмаки», полные ужаса глаза, отчаянный крик. Однако, следует учесть роль этого ребёнка в жизни смешного человека: девочка является катализатором внутреннего обновления героя, а как известно из финала рассказа, уже непосредственно деятельное обновление смешного человека начинается с того, что он находит девочку и помогает ей.

В этом отношении мы считаем важным обращение к «единичным случаям» из публицистических главок «Дневника». Нельзя не заметить сходства между героем рассказа и героями этих главок «Дневника»: они одиноки в своей деятельности, и цель их деятельности не видна в будущем, так как находится

скорее вне времени. Тема обиженной девочки является самой обширной в «Сне смешного человека», потому что писатель прямо указывает на её связь с звёздочкой, а звёздочка, в свою очередь, заключает в себе сопряжение истории грехопадения человечества и исцеления одной человеческой души. Через созерцание этой звёздочки устанавливается связь между героем и планетой: изначально её суть скрыта от его понимания, затем она постепенно перерастает в некую промежуточную цель – постижение смешным человеком истины. Конечная цель состоит в проповеди – попытке приобщить неприобщённых к этой истине, рассказать «незрячим» об увиденном. Выходит, созерцаемая героем звёздочка имеет прямое отношение к его будущей проповеди. На первый взгляд, спасение девочки может показаться слишком мелким обстоятельством, не дающим герою право проповедовать другим, как им поступать. Однако, спасение ребёнка является для смешного человека отказом от саморазрушительных убеждений и преодолением в себе прошлой жизни.

Структура рассказа позволяет сну как бы продолжать и комментировать действительность. Таким образом, эпизод развращения планеты служит зеркалом для отражения подлинного масштаба «незначительного», казалось бы, зла, потому что помещается между эпизодом встречи с девочкой и эпизодом возвращения к ней. Вероятно, Достоевским избирается эта последняя стадия катастрофы, потому что только она может быть сравнима с мучением безвинного ребёнка.

Следующая важнейшая тема рассказа, которая появляется на страницах «Дневника», – это тема любви к человечеству. Связью человека и человечества является любовь каждого отдельного человека к другому: «Главное – люби других как себя, <...> больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться», – говорит смешной человек в финале рассказа. Человек, ограждающий себя от других людей, теряет связь с ними, отпадает от общего целого и лишается возможности любить, чем приближает себя к духовной смерти. Чуть раньше, в октябрьской статье с характерным названием «Приговор», Достоевский приводит рассуждения самоубийцы-материалиста,

вознамерившегося убить себя «от скуки». Эти рассуждения имеют прямое отношение к рассказу и в очередной раз демонстрируют, насколько важен публицистический контекст «Сна смешного человека». И «самоубийца от скуки», и смешной человек не могут найти примирение с жизнью в любви к человечеству, потому что не имеют веры в бессмертие души, а так как оба видят единственную возможность примирения именно в любви, то, не найдя её, приходят к одинаковому решению.

Ключом к раскрытию последней рассматриваемой нами темы является ответ на вопрос: что же представляет собой Истина смешного человека и в каком обличье появляется истина на страницах «Дневника писателя»? В первом случае Истина является «живым образом», она постигается, созерцается – не глазами, а сердцем. Обретая видение Истины, герой «Сна» обретает веру в Бога – способность чувствовать Его. Следовательно, в рассказе речь идёт об Истине Христовой, находящейся за пределами идей. Что касается «Дневника», то мы видим, как его основу формируют некоторые истинные, с точки зрения Ф.М. Достоевского, идеи: это идея о римском католицизме, идея о русском народе как о единственном носителе истины и идея об особом отношении к еврейской нации. Данные мысли Достоевский настойчиво проводит в «Дневнике писателя», начиная с 1873 года и заканчивая последним выпуском. Мы видим, что сюжетом рассматриваемого нами фантастического рассказа писатель как бы говорит нечто противоположное любым убеждениям вообще (не только этим трём). После пережитых во сне событий смешной человек восклицает: «Я видел истину, – не то что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки». Это его восклицание указывает на ошибочность результата многочисленных умственных операций, произведённых им в «старом-престаром вольтеровском» кресле. Такое противопоставление позволяет нам сделать вывод, что «Сон смешного человека» занимает особую позицию в составе «Дневника писателя». Этим художественным текстом Достоевский будто бы предостерегает читателя, что всякие идеи (в том числе и упомянутые нами) – ничто перед созерцанием «живого образа Истины». Входило ли такое

предостережение в замысел писателя – вопрос, остающийся без ответа, потому что творческий процесс как таковой до сих пор является величайшей неразгаданной тайной.

В **заключении** воспроизводятся этапы проделанной работы и их итоги. Итак, мы рассмотрели рассказ Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» с двух позиций: как отдельный художественный текст и как текст, обрамлённый публицистическими статьями «Дневника писателя». Первым этапом нашей работы было имманентное чтение рассказа, к которому мы приступили без опыта ознакомления с исследовательскими трактовками. Фокусировка на внешней стороне – на характеристиках пространства и времени – позволила нам подготовиться к дальнейшей работе с глубинным содержанием рассказа. Выявление особенностей данных характеристик (плотного пространственного рисунка, контрастных временных промежутков, соразмерности объектов) повлияло на восприятие сути рассказа при вторичном чтении. За первым этапом следовало изучение истории вопроса, итоги которого мы отразили во Введении. Ознакомившись с историей вопроса, мы получили представление о темах, которые представляли в глазах исследователей особый интерес. Следующий этап работы был напрямую связан с проведением анализа рассказа в контексте «Дневника писателя». Три выбранных мотива – свободы, страдания и искупления – были обнаружены и распознаны нами в том числе на основе трёх отдельно рассмотренных тем. В этой главе мы постарались показать взаимосвязь данных мотивов, опираясь на монографию Бердяева «Миросозерцание Достоевского». Для рассмотрения рассказа в контексте «Дневника писателя» мы выбрали из них те, которые, на наш взгляд, наглядно доказывали взаимный отклик рассказа и «Дневника». Произведённый нами анализ показал, что «Сон смешного человека» следует рассматривать через призму «Дневника писателя». Именно так мы можем приблизиться к освещению диапазона вопросов, которые волновали Достоевского и получили завораживающее отражение в художественных образах.

Исследование прошло **апробацию** на всероссийской научной конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке» (апрель 2024 г.), результаты изложены в публикации:

Сергеева, О.И. Пространство и время в рассказе «Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского / О.И. Сергеева // Филологические этюды : сборник научных статей молодых ученых / под ред. И.В. Бибиной [и др.]. Саратов : Изд-во Сарат. Ун-та, 2025. Вып. 28. С. 14-20. – URL: <https://www.sgu.ru/struktura/uprid/nauchnye-izdaniyasgu/sborniki-i-prodolzhayushiesya-izdaniya/filologicheskie-3-1>. – Режим доступа: Продолжающиеся издания СГУ на сайте [www.sgu.ru](http://www.sgu.ru). ISSN 3034-6606 (Online).